
УДК 821 (470.621) 09

ББК 83.3 (2=Ады)

Ц 32

Цей Б.А.

Аспирант кафедры истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, e-mail: ruzana_daur@mail.ru

**Этапы обращения адыгейской литературы
к духовно-нравственным законам адыгской жизни**
(Рецензирована)

Аннотация:

Исследуются этапы поступательного развития духовно-нравственного содержания адыгейской литературы. Формируется ряд выводов по творчеству адыгейских писателей с опорой на кодекс «адыгагъэ»: о сближении в общих этических воззрениях адыгейских и российских писателей; о сосредоточении внимания адыгов на таких нормах адыгской этики, как человечность, благородство, патриотизм, мужество и честь; об изменении системы ценностей под влиянием Кавказской войны в сторону акцента на воинственность и благородство, любви к родине; о глубоком философском осмыслении этического кодекса «адыгэ хабзэ» в современных исторических романах адыгов.

Ключевые слова:

Духовно-нравственный аспект, исторический роман, нравственный закон, адыгагъэ, нравственный кодекс адыгского этноса, «малые» жанры адыгейской прозы, роман-исповедь.

Tsey B.A.

Candidate of Philology, Associate Professor of Adyghean Philology Department, Adyghe State University, e-mail: fafk79@mail.ru

**Stages of the Adyghean literature addressing
spiritual and moral laws of the Adyghe life**

Abstract:

The paper examines the stages of forward development of the spiritual and moral content of the Adyghean literature. A number of conclusions on creativity of the Adyghean writers basing on the code of “adygaghe” are drawn: about rapprochement of the Adyghean and Russian writers in the general ethical views; about concentration of attention of the Adyghees on such standards of the Adyghe ethics, as humanity, nobility, patriotism, courage and honor; about change of system of values under the influence of the Caucasian War towards emphasis on eagerness to fight, on nobility and on love for the country; and about profound philosophical interpretation of the ethical code of “the Adyghe Khabze” in modern historical novels of the Adyghees.

Keywords:

Spiritual and moral aspect, historical novel, moral law, adygaghe, moral code of the Adyghe ethnos, “small” genres of the Adyghean prose, novel-confession.

В обращении адыгейской литературы к духовно-нравственным законам адыгской жизни можно выделить четыре этапа (периодизация У. Панеша), во многом определяемых социально-политическими, идеологическими ориентациями общества [1: 37-38].

На первом этапе (20-е – первая половина 30-х годов) в молодой литературе была явно ощутима борьба тенденций пересмотра и даже отказа (в духе времени) от тех правил, которые признавались устаревшими – романтизация фольклора, социальное бесправие женщины под давлением вековых законов адата, осуждение учебы в светской школе (Т. Керашев, А. Хатков, И. Цей, М. Паранук, Ш.Кубов) или – наоборот – защиты устаревших нравственных традиций и форм их изображения в молодой литературе (В. Кoble, И. Ашкан), что получило осуждение на I съезде писателей и ашуггов Адыгеи (1936 г.). В литературе утверждался характер героя-просветителя, поборника новых социалистических форм жизни. Например, творчество И. Цея, гуманистичность и толерантность взглядов которого были постоянной идеей его произведений, прежде всего новелл и рассказов («Красные чувяки», «На заре», «Туман», «Фатимино счастье» и др.).

Обобщая мысль об отражении «идейной и идеологической дифференциации общества» в молодой литературе этого периода, необходимо сказать о диалектической сложности процесса становления и художественного осмысления традиционных духовно-нравственных принципов «адыгэ хабзэ». Ведь даже у последовательного поборника революционного обновления жизни Т. Керашева в романе «Щамбуль» далеко не однозначно оценивается эта сторона духовной и этикетной жизни героев.

На втором этапе, сопоставимом с хронологическими рамками конца 30-х – середины 50-х годов, когда адыгейская литература осваивала «диалектику челове-

ческого сознания в революции» (Ю. Тлюстен, Т. Керашев, А. Евтых), созданы повести и роман о современности («Путь открыт» Ю. Тлюстен, «Дорога к счастью» Т. Керашев, «Мой старший брат» А. Евтых).

Но нельзя забывать о духовно-нравственном содержании «Адыгейских новелл» Ю. Тлюстена («Унэрыгу», «Лпыгъур», «Сочинитель песен» и др.), рассказа «Аминет», позднее – «Сказов Совчаса» и других, где, по словам Р. Мамия, возвеличены мужество, самоотверженность и «высшие человеческие достоинства заступников простых людей» [2: 141].

В осмыслении особенностей отношения индивидуума и коллектива писатели, решая проблемы становления личности нового человека, затрагивали и сферу его семейных отношений с их прочными традициями поведения. Европейский автор Э.Спенсер писал: «Закаляемые в том, что мы называем лишениями, с младенчества, и практикуя воздержание в высокой степени, которое считается добродетелью, они переносят все превратности войны...» [3: 43].

Со вступлением литературы в новую историческую полосу – Великой Отечественной войны – народные традиции мужества и героизма, гуманизма, дружбы и братства разрабатывались на новом витке истории преимущественно в жанре поэзии. Героический характер, ставший «господствующим» (В. Перцов) в общесоюзной литературе, увлек А. Евтыха, Д. Костанова, К. Жанэ, которые обратились в его воплощении не только к документу и публицистике, но и к народно-поэтической традиции внимания к комплексу героико-этических сторон национального характера.

Эта тенденция дала о себе знать уже в начале третьего периода – в поэзии конца 50-х и начала 60-х годов. (К. Жанэ, А. Гадагатль, И. Машбаш) и в романах Ю. Тлюстена «Свет в горах», поэмах И. Машбаша «Сильные люди», Х. Ашинова «Настоящий друг». В этих произведениях в кон-

тексте новой ретроспекции изображения войны делались попытки создания героического характера в духовно-нравственном аспекте проблемы, решая которую авторы все чаще опирались на «адыгэ хабзэ».

Здесь необходимо обратить особое внимание на сборник новелл и рассказов А. Евтыха «Священная река» (опубликован в 1946 году). Культ мужества воплощен в образах исторического героя Хатх Магомета («Как разбудить спящего») и простого крестьянина Ещермеджа («Горящая головня»). Созданные на основе народных преданий, эти и другие новеллы несут в себе много народной мудрости, прозорливости и спокойной смелости. Созданные автором образы простых людей в новеллах «Простой подвиг», «Голова раба», «Плачущая скрипка» – резкие по выразительности и силе протеста против несправедливости, защите человеческого достоинства. Главный аспект авторского исследования характеров – человек в отношении к определенному историческому времени в его политическом, историческом, философском содержании [4: 53]. Впоследствии в своих обширных романах и повестях, вплоть до последней – «Разрыв сердца», А. Евтых не жалел сердечности и в кругу родных ему людей, и в общении с близкими, товарищами, единомышленниками и современниками. В целом его творчество отмечено утверждением морали «адыгэ хабзэ», в основе которой лежат складывавшиеся веками национальные понятия о нравственности. Надо признать, в их современный вариант А. Евтыхом внесены ценные правила.

На третьем этапе развития адыгейской литературы, начиная с 50-х годов, нередко сюжет возвращения фронтовика включал коллизии его борьбы с «пережитками прошлого» (А. Евтых, Д. Костанов, К. Жанэ). Тема преодоления установленного круга запретов в обществе, во взаимоотношениях поколений, в порывах к свободе и равноправию женщины, начатая А. Евтыхом в «Ауле Псыбэ», нашла разверну-

тое изображение в «Состязании с мечтой» Т. Керашева, в «Слиянии рек» и книге «Человек делает добро» Д. Костанова.

В 50-е годы в адыгейской литературе обозначился новый этап в разработке исторической темы – обращение к духовно-нравственной этике. Этот этап связан с повестью Т. Керашева «Дочь шапсугов», поэмой А. Гадагатля «Дочь адыга». Эти произведения уже отходили от привычной модели эпоса на историческую тему с четко выраженными социально-классовыми ориентирами в изображении исторического времени и характеров. Однако их духовно-нравственное содержание отвечало традиционным контурам оппозиционной модели: князь с приспешниками – крестьянин, плохой– хороший, свой – чужой, поэтому некоторые персонажи оказывались однолинейными и статичными.

Со второй половины 60-х годов отмечается движение от историко-событийного повествования к художественно-объемному, проблемно-аналитическому изображению, что и составило линию развития адыгейского эпического произведения на историческую тему в 70-80-е годы: «Одинокий всадник» Т. Керашева, «Мос Шовгенов» Д. Костанова, «Баржа» и «Бычья кровь» А. Евтыха, «Бзюкская битва», «Жернова», «Хан-Гирей», «Рэдэд» И. Машбаша и др. Носителем духовно-нравственных качеств (человечности, мужества, патриотизма, верности принципам народной морали) был исторический герой – реальный или вымышленный.

То же можно сказать и о героях новелл Т. Керашева, А. Евтыха, Д. Костанова, Ю. Глюстена, К. Жанэ, П. Кошубаева, Н. Куёка, Ю. Чуюко. Что бы ни было местом их деятельности (колхозное поле, фронтовой участок, труд на городском предприятии) – ведущим нравственным законом был «адыгагэ». Однако надо подчеркнуть разные по степени сложности обстоятельства преодоления устарев-

ших законов, правил гражданского и семейного быта, многоступенчатые трудности восхождения к новым нравственным законам. Особенно внимательными к этим проблемам в 70-е годы были А. Евтых, Х. Ашинов, К. Жанэ. К примеру, в 60-е годы А. Евтых исследует в «Истории одной женщины» внутренний мир героини, построенный на гуманистическом нравственном начале, а в 70-80-е годы ставит экологические проблемы; через поэзию природосохранного труда героя писатель рисует его образ, поражающий чистотой духовного облика. Ю. Чуюко в новеллах, в повестях, в романах «Чужая боль» и «Сказание о Железном волке» последовательно осуществляет свою гуманистическую концепцию, спроецированную на жизнь простого человека. Его герои – патриоты и альтруисты без громких слов, в основе поступков которых лежат правила изначальной адыгской морали.

Необходимо выделить духовно-нравственный ориентир в раскрытии внутреннего мира героя в повестях и романах Хазрета Ашинова: «Две полосы», «Честь отца», «Всадник переходит бурную реку», «Аштрам» и др. В их числе роман «Всадник переходит бурную реку», построенный на конфликте между героями – супругами Лаурсеном и Русиет – в понимании истинного мужества адыга. В борьбу противоположных мнений вовлечены и представители старшего поколения аула, которые не все единодушно поддерживают мнение героя о вековой неизменности национальной психологии Всадника – олицетворения «настоящего мужчины». Эти и другие стороны национальной морали Х. Ашинов рассматривает и в других произведениях, причем делает это мудро, сдержанно, обращаясь и к поэтическим легендам и былям, и к фактам современной жизни.

Стоит отметить и «малую» прозу К. Жанэ 70-80-х годов в сборниках «Аул Шапсуг улыбается», «Короткий разговор», «Свадьба с женихом» и других изданиях. Новеллы, притчи и побасенки по-

учительны без нравоучений, которые мастерски заменяются занятым повествованием с участием обобщенных фигур, образов-масок, символов. Уроки нравственного поведения даются с помощью сочетания драмы с юмором, что вообще присуще адыгскому мировидению, мужественному и сдержанному, и поэтическому таланту К. Жанэ.

Проблемы адыгской этики в ретроспективном плане и современном ракурсе постоянно находят место и в адыгской исторической романистике: «Всадники рассвета» А. Налоева, «Щит Тибарда» Т. Адыгова, «Горцы» А. Шортанова, «Страшен путь на Ошхамахо» М. Эльберда, «Вершины не спят», «Сабля для эмира» А. Кешокова, «Громовой гул» М. Лохвицкого и др.

По нашему мнению, следует выделить 90-е – начало 2000-х годов в новый этап, отмеченный возросшим интересом к адыгской духовно-нравственной жизни в связи с обращением северокавказских народов к трагической эпохе XIX века – Кавказской войне. Возникла необходимость глубокого и непредвзятого изучения связанной с Кавказской войной проблематики – не только историками и политиками, но и писателями. В адыгейской литературе последних десятилетий вопросам Кавказской войны посвящена поэма И. Машбаша «Шторм» («Тучи снижаются»), его романы «Жернова», «Хан-Гирей», «Два пленника», романы Ю. Чуюко «Сказание о Железном волке» и «Кавказская диалогия», повести Н. Куека «Черная гора» и «Вино мертвых»...

Творчество И. Машбаша, его историческая проза стоят в авангардном ряду произведений адыгской литературы, посвященных нравственно-философскому осмыслению исторической памяти, таящейся в ней потенциальной гуманистической силы, возможностей деятельного добра. Так, проблематика романа «Жернова» (Кавказская война и махаджирство), его духовно-нравственные идеи находят выражение в особенностях сюжета, драматиз-

ме коллизии, обобщенном образе народа и индивидуальных образах главных героев, воссоздании национального быта и мышления адыгов второй половины XIX века. Нравственно-философский аспект романа разработан в воссоздании сложного процесса осмысления героями проблем войны и мира, жизни и смерти, гуманизма и милосердия, любви и ненависти. Эти проблемы перетекают в нравственную сферу жизни героев. В этом плане автор чрезвычайно внимателен к законам адыгэ хабзэ – регулятора гражданской и семейной жизни адыгов XIX века. Да и все его творчество направляется в одно русло высокой нравственности равнением на нравственный кодекс адыгов.

Герои первых прозаических произведений Н. Куёка (рассказов, повести «Превосходный конь Бечкан») представляют собой разные социально-психологические типы адыгского этноса прошлых веков: простой аульский крестьянин, мать, оплакивающая погибших на войне сыновей, адыгский просветитель, умирающий Бог Тлепш... Автор как бы поднимает читателя по ступеням восхождения к духовности, а не осмысления социального положения героя. Вечный конфликт между носителями добра и зла, между стремлением к гармонии и покушением на ее разрушение – в основе сюжетных конструкций автора. В прозе Н. Куёка сконцентрирована духовно-нравственная проблематика XX века: «... война и мир, человек и история, человек и природа, осмысление жизни народа в трагической перспективе его судеб в трех временных измерениях» [5: 83].

Философская повесть Н. Куёка «Черная гора» касается не только общенациональных вопросов, но и общечеловеческих проблем. «Автор затрагивает существующие во все времена и необходимые для разумного существования всех народов такие нравственные категории и понятия, как Жизнь, Сердце, Небо, Великий Бог, Вода, Дом, Человек. Его волнуют мно-

гие вопросы, связанные с незыблемостью и кажущейся абстрактностью этих понятий, например: «Кто их видел?», «Кто может их распознать?», «Каково их лицо?». Он ставит в своей повести вопросы, ответы на которые не может дать человечество на протяжении всего своего существования: «Так чему предназначена жизнь?» [6: 3].

В творчестве Ю. Чуюко 90-х годов роман «Сказание о Железном Волке» привлекает не только художественно мощной картиной национальной жизни XX века, но и философским осмыслением ее корней, этической глубиной, запечатлевшей нравственный кодекс адыгского этноса. Это, по существу, «первый воспитательный роман» в адыгейской литературе, потому что в нем прослежено формирование личности молодого человека – Сэта Мозлокова – под влиянием дедушки Хаджекыза, отца Бирама, матери, профессора Оленина, аульчан-земляков. Кроме того, в романе со знанием мельчайших подробностей описаны детали народной педагогики, раскрыта роль адыгского этикета, законов «Адыгэ хабзэ», воспитывающих мужество, достоинство, терпение, великодушие. Увлеченно, но в сдержанной манере, «по-мужски» описаны сцены в хачеше Мазлоковых, чапш, игра в цельдао, воспоминания стариков, народные песни... В этой атмосфере идет «впитывание» родной духовной культуры, где главная роль принадлежит старому джегуако Хаджекызу [7: 132].

Воспитательный метод Хаджекыза держится на принципе: не морализировать, не поучать, а воздействовать на юного человека примерами самой жизни – сегодняшней и прежней – «через художественно зашифрованную народную мораль в образе легенд, притч, поговорок, афоризмов» [7: 132], через пример родителей, культ сострадания ко всему живому. В этот круг источников духовного соучастия героев включены те, что порождены новыми обстоятельствами жизни: чувство братства и интернационализма воинов во время Великой Отечественной войны, толе-

рантные отношения к инациональным гражданам (помощь эвакуированным ленинградским детям), необходимость переступить нравственные запреты в экстремальных обстоятельствах (в годы войны кузнец Урусбий выковал медицинские щипцы, которыми спасли жизнь роженицы и ее ребенка). Эти многочисленные примеры дают возможность сфокусировать внимание читателя на главном – корнях человеческого рода, нравственных, духовных, без чего человек лишен жизненной силы, прочности устоев существования. Такова общечеловеческая идея автора.

Среди литераторов-адыгов с эмигрантской судьбой в XX веке следует назвать прежде всего имя Ш.И. Кубова, чья поэзия – лирика и эпос (к примеру, блок поэм, поэтический эпос «Мамлюки») – играет свою созидательную духовную роль, с каждым годом усиливая ее интенсивность в воздействии на народное восприятие [8]. Значительны в этом плане и труды Р. Трахо («Северный Кавказ» - 1955, «Черкесы» - 1956). Эти исторические сочинения имеют приложения из 8 разделов по проблемам национального духовного наследия. Другой адыг – Кадыр Натхо – участвует в подвижническом создании адыгской литературы в Нью-Йорке (новеллы «Старые и новые сказания Кавказа», роман «Николас и Надюша» («Отчужденные»), драма «Мэдэя») [9: 553-555]. Нельзя обойти вниманием авторов адыгского зарубежья: романы С. Харатока, А. Мидхата, М. Уйсала, О. Челика, М. Кандура [10].

Ныне духовно-нравственное содержание становится эстетической плотью адыгейской литературы, что особенно заметно в социально-философских исторических романах И. Машбаша, Ю. Чуюко, Н. Куёка. Так, И. Машбаш обнаруживает постоянство интереса к духовно-

нравственным ступеням национального и гражданского становления адыгов как этноса, как народа с великим историческим прошлым и уверенной перспективой на достойное будущее. Н. Куёк был верен исследованию духовных сторон адыгства в настоящем и историческом прошлом. Ю. Чуюко обращается к нравственно-духовным корням адыгского рода, ведет художественное исследование – родословную семьи. Причем «малые» жанры адыгейской прозы, естественно, в локальном сосредоточении автора на одной-двух нравственных проблемах, активно участвуют в объединенных усилиях адыгейских прозаиков, стремящихся овладеть новой гуманистической идеей – духовного воздействия на читателя.

Безусловно, ни «малая», ни «большая» проза прошлых десятилетий не страдала отсутствием духовно-нравственной проблематики. Но, как мы пытались показать по периодам развития, эта проблематика решалась в «оболочке» других проблем, продиктованных революционно-созидательным временем, довольно редко держалась на основных сюжетно-композиционных связях и сквозном развитии событий, как в произведениях «Последний выстрел» Т. Керашева, романах-исповедях Х. Ашинова, последнем романе А. Евтыха. Сейчас духовно-нравственная проблематика занимает все пространство произведения, опираясь на «собственный» – философский или психологический сюжет. Философия войны, этика воюющего человека – один из центров сосредоточия этического комплекса в основе духовности героев современных романов.

Адыгейская литература была и остается всегда неизменно верна духовно-нравственным, гуманистическим законам адыгской жизни, несмотря на подчас драматические препятствия к их исполнению.

Примечания:

1. Панеш У.М. Литература изменяющегося мира. Майкоп, 2007. 278 с.
2. Мамий Р.Г. Юсуф Тлюстен // История адыгейской литературы: в 3 т. Т. 2. Майкоп, 2002. С. 137-165.
3. Спенсер Э. Путешествия в Черкессию / предисл., пер. и коммент. Н. Нефляшевой. Майкоп, 1993. 152 с.
4. Хуажева Н.Х. Художественная концепция личности в романах об историческом прошлом А. Евтыха // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 4 (90). С. 52-56.
5. Паранук К.Н. Нальбий Куёк // История адыгейской литературы: в 3 т. Т. 3. Майкоп, 2006. С. 62-108.
6. Хуако Ф.Н. Ненасытность Черной горы // Советская Адыгея. 1998. 21 мая.
7. Шибинская Е.П. Первый воспитательный роман в адыгейской литературе // Образование города на пути к XXI веку: проблемы исследования, опыт, перспективы. Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. С. 132.
8. Шаззо К.Г. Шабан Кубов // История адыгейской литературы: в 3 т. Т. 3. Майкоп, 2006. 639 с.
9. Схалыхо А.А. Художественное наследие адыгской диаспоры // История адыгейской литературы: в 3 т. Т. 3., гл. 14. Майкоп, 2006. С. 553-555.
10. Тимижев Х.Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. Нальчик, 2006. 360 с.

References:

1. Panesh U.M. Literature of the changing world. Maikop, 2007. 278 pp.
2. Mamy R.G. Yusuf Tlyusten // History of the Adyghe literature: in 3 v. V. 2. Maikop, 2002. P. 137-165.
3. Spencer E. Travels to Circassia / foreword, transl. and comment. by N. Neflyasheva. Maikop, 1993. 152 pp.
4. Khuazheva N.Kh. The art concept of the personality in novels about A. Evtykh's historical past // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the arts». Maikop, 2011. Iss. 4 (90). P. 53.
5. Paranuk K.N. Nalby Kuyok // History of the Adyghe literature: in 3 v. V. 3. Maikop, 2006. P. 62-108.
6. Khuako F.N. Insatiability of the Black mountain // Sovetskaya Adygheya. 1998. May 21.
7. Shibinskaya E.P. The first didactic novel in the Adyghe literature // City formation on the way to the XXI century: research problems, experience, prospects. Maikop: AGU publishing house, 2000. P. 132.
8. Shazzo K.G. Shaban Kubov // History of the Adyghe literature: in 3 v. V. 3. Maikop, 2006. 639 pp.
9. Skhalyakho A.A. Art heritage of the Adyghe diaspora // History of the Adyghe literature: in 3 v. V. 3. ch.14. Maikop, 2006. P. 553-555.
10. Timizhev Kh.T. Historical poetics and style features of the Adyghe-language literature abroad. Nalchik, 2006. 360 pp.